

СЯ БУДУ жаловаться! Попросите кого-нибудь из редакции... Ну, хорошо, 25 тыс. взят, не отрицаю, а 100 тысяч—извините. Есть и почше меня. Нет, я буду жаловаться! — Молодой сухошавый блондин устал откинувшись на спинку стула. На лице — обида и возмущение. Сразу же уточним: зовут блондина Евгений, фамилия Ильвес.

— Под счастливой звездой родился, Женя, — восхищались приятели, подхлывая Ильвеса по упорному плечу спортсмена.

Только не подумайте, что вся его двадцатисемилетняя жизнь была подобна гладкой, отутюженной дорожке. Бывало, и его звезда тускнела на чистом небосклоне. Но в свою исключительную одаренность Ильвес верил без малейших колебаний.

— Спорт и искусство — мое призвание, ради них готов на все, — и глаза Ильвеса мечтательно устремлялись вдаль... Он уже видел себя популярным артистом. Гастроли, веселая шикарная жизнь, поклонники!..

А пока за плечами только семь классов. Проекты строить нелюбо, но и документик к ним не мешает, хотя бы из строительного училища. Можно поучиться и на штукатура.

Никто никогда не скажет: тот дом строил Ильвес, это его рук дело... Учеба позади, документик в кармане и ни одного дня на стройке.

...Прошли годы, и в Красноярской филармонии появился новый актер и администратор, энергичный, проливной, обаятельный. Правда, ненадолго. Прихватив с собой кругленькую сумму, он в последний раз улыбнулся своим коллегам и, окутанный паровозным дымом, уехал в неизвестном направлении. Разыскивали его упорно и отчаянно. Однако Ильвес, отсидев к тому времени два года за мошенничество, тщательно заметал свои следы.

Ветер новых неизведанных дорог звал вперед его беспокойную, мятежную душу. И в один прекрасный день стройная фигура Ильвеса появилась на челябинском горизонте.

Никто, пожалуй, не смог бы так красноречиво откомендовать себя, как это сделал Евгений:

— Окончил в Таллине театральную студию. Ба-

бушка у меня заслуженная артистка и родители тоже заслуженные... погибли во время войны под бомбежкой. Сирота я. С ранних лет всей душой прилип к искусству. У меня самый широкий профиль: джазист, жонглер, спортсмен...

И клянуло. На этот раз не устояли артисты Челябинского кукольного театра. Ну, где было знать доверчивым добродушным кукольникам, что никакой студий Ильвес не кончал, и бабка у него простой обыкновенный человек, и родители благополучно здравствуют по сей день. Поверили на слово. Вышедший директор театра Р. Зайд, гостеприимно распахнул двери, называл Ильвеса

портички и договоры хранит у себя в гостинице, и скопилось их там на 13628 рублей. Вот они, даровые деньги! А всего Ильвес прокутил до 100 тысяч. Тут-то его и взяли крепко за руки, сказали: хватит. Попался!

* * *

— Что-то тут нечисто. Откуды у тебя столько денег? — удивлялась режиссер кукольного театра Т. Никитина.

— Что вы, все в порядке, — уверял Ильвес.

И товарищи по работе успокоились, прошли мимо. Может быть, потому, что в театре царил взятничество и грубость. Что уж говорить об Ильвесе, когда сам директор Р. Зайд не был чист на руку, а однажды его были вынуждены взять даже на поруки за... избитие актера. Знал об этих фактах и начальник управления культуры М. Марченко, знал и ничего не предпринял.

Перебегая из одного учреждения в другое без всяких документов, Ильвес, наконец, обосновался в Челябинской

филармонии, где его встретили как лучшего друга, даже трудовой книжки не попросили. А ведь мог художественный руководитель филармонии А. Лялин (в бригаду которого был принят Ильвес) поинтересоваться, задумавшись, что же за человек Евгений, достоин ли он представлять в своем лице актера филармонии.

Что вы, как можно! Женечка обаятельнейший парень, кристально-чистая душа. А какая эрудиция! Какая улыбка! Только обошлась эта улыбка государству в 100 тысяч!

Так и жил Евгений Ильвес, прикрывая внешним обаянием свое истинное лицо. И только равнодушие, слепая доверчивость и обыкновенное простотфильство окружающих его людей помогли ему безнаказанно совершать свои грязные махинации.

Сейчас Ильвес ждет суда. — Я добыю, докажу, — бодрится он.

Ильвес даже задумал расписаться со своей последней «любимью» Аллой Г. На этот шаг его толкнули самые прозенческие мысли: надо же кому-нибудь принести передачу.

Но на этот раз никто не протянет ему руку помощи. Поздно!

Д. ВОЛОДИНА.

своим администратором...

В модной паре, черные от солнца очки большой желтый портфель — Ильвес был неотразим. И устроился уютно, в гостинице «Южный Урал», где прожил почти два года, перекочевывая для видимости из номера в номер и заплатив за уют 4112 рублей (все суммы приводятся в старых деньгах).

Элегантный, вежливый, корректный, появился он чуть ли не каждый вечер в зале ресторана, кутил, небрежно и красиво переплывая за выпитое и съеденное. Ухаживал за всеми поклонницами, женился и разводился. А в будни делал деньги. Как? Да очень просто. Разве трудно провести несколько спектаклей сверх плана и скрыть не отчитываясь за них. Проще всего пойти в школу. Ну и доверчивые эти учителя и пионервожатые, особенно в Магнитогорске. Поговорить с ними разок-другой и они уже согласны взять спектакль, даже билетки свои отштампуют, лишь бы детям показать куклы... А деньги Ильвесу. И билеты у него целы. И договора нет. Значит и спектакля не было. А ну-ка, докажи обратное. Врешь, не подкопается. Тридцать спектаклей сумел скрыть Ильвес. Иногда его «мучила» совесть. Он все же отчитывался за спектакль, но ра-